

нообразіи необходимомъ и законномъ, разъ «не человѣкъ для сabbоты, а сabbота для человѣка». Сборникъ же постановленій Св. Синода является дѣйствующимъ законодательствомъ русской церкви, въ которомъ общеканоническіе принципы принаровлены къ измѣнившимся условіямъ современной жизни. Само собою понятно, что изъ этихъ двухъ сборниковъ нельзя создать чего-нибудь похожаго на сводъ законовъ. Включить въ него каноны оказалось бы невозможнымъ. Раздѣлять ихъ на дѣйствующіе и отмѣненные (когда, кѣмъ и по какому праву?)—недопустимо теоретически; включить ихъ всѣ—значило бы или изказать ихъ смыслъ, или умалить ихъ значеніе. Что же касается до прочихъ историческихъ памятниковъ церковнаго законодательства, то мы очень сомнѣваемся въ умѣстности официальной кодификаціи ихъ. При нормальномъ состояніи церковнаго законодательства они имѣютъ значеніе лишь для самой церковно-законодательной власти, какъ матеріалъ для обработки, къ которому однако нужно относиться критически. Научныя частныя изданія такихъ источниковъ, въ родѣ изслѣдованія проф. Павлова о Номоканонѣ, могутъ оказать при этомъ неоцѣнимую услугу. Отнюдь нельзя сказать того же объ изданіяхъ официальныхъ. Безполезныя для самой церковно-законодательной власти, не связанной текстомъ своего изданія, они могутъ привести къ весьма нежелательной путаницѣ въ практикѣ подчиненныхъ органовъ. Прежняя практика нашихъ духовныхъ судовъ, основанная на Номоканонѣ, можетъ служить хорошимъ тому примѣромъ.

Ил. Соколовъ.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

РОССІЯ.

Иванъ Корсунскій, профессоръ Московской духовной академіи. *Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности.* Свято-Троицкая Сергіева лавра. 1898. Стр. II+644+LXII.

Греческій переводъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта, извѣстный подъ именемъ семидесяти двухъ или, короче и обыкновеннѣе, LXX толковниковъ, если явленіе, по значенію своему, безпримѣрное въ исторіи не только самого же греческаго языка съ его словесностью, но и всѣхъ другихъ языковъ съ ихъ литературами. Явившись на поприщѣ исторіи въ то время, когда геній греческаго языка и словесности, выражавшійся въ творчествѣ, въ производительности духа народности греческой, по общему почти признанію историковъ и филологовъ, началъ уже явно клониться къ упадку, переводъ LXX, какъ памятникъ греческаго языка и словесности своего времени, далъ собою жизнь цѣлой эпохѣ въ исторіи того и другой, — эпохѣ продолжающейся и доселѣ, въ теченіе болѣе нежели двухъ тысячелѣтій. Будучи несамостоятельнымъ ли-

тературнымъ произведеніемъ, какъ переводъ, а не сочиненіе, онъ сразу получилъ и доселѣ удержалъ за собой столь великое значеніе и широкое употребленіе, какого не имѣлъ ни одинъ памятникъ литературнаго генія греческой народности, не исключая и поэмъ Гомера. Наконецъ, будучи памятникомъ письменности собственно греческой, переводъ LXX имѣлъ однакоже значеніе, вышедшее далеко за предѣлы жизни языка и словесности народовъ, говорившихъ и писавшихъ по гречески, простеръ свое могучее вліяніе на литературы другихъ народовъ востока и запада: коптскую, эіопскую, латинскую, готскую и иныя, въ томъ числѣ и на нашу отечественную славяно-русскую, и чрезъ литературу того или другого народа вліялъ и на жизнь народную; иначе сказать, имѣлъ всемірное и жизненное значеніе и вліяніе. Такое необычное значеніе перевода LXX объясняется тѣмъ, что онъ явился на поприщѣ всемірной исторіи первымъ по времени общедоступнымъ органомъ сверхъестественнаго откровенія Божественнаго, дотолѣ заключеннаго въ письмена еврейскія, становившіяся въ это время все болѣе и болѣе непонятными даже и для самого еврейскаго народа. На греческомъ же языкѣ перевода LXX возсіялъ и свѣтъ благовѣствованія евангельскаго и апостольскаго для всѣхъ народовъ. Этотъ же языкъ такъ называемаго κοινὴ διάλεκτος (общаго нарѣчія), бывшій въ то время языкомъ общедоступнымъ и въ обыденномъ быту, и въ литературѣ, и въ политикѣ александрійскаго и греко-римскаго періода, послужилъ основою цѣлой, и при томъ обширной, отрасли литературы неканонической, апокрифической, святоотеческой, богослужебной и византійской, перешедшей, съ помощью новыхъ переводовъ, и къ другимъ народамъ, воспріявшимъ отъ грековъ свѣтъ евангельскаго и апостольскаго ученія, а въ областяхъ съ греческимъ населеніемъ удержался въ извѣстной степени и доселѣ, перешедши въ такъ называемый новогреческій языкъ (стр. 5—7).

Въ виду этого, вопросъ о переводѣ LXX, его происхожденіи, значеніи въ исторіи греческой словесности и достоинствѣ въ ряду другихъ библейскихъ текстовъ издавна представлялъ живой научный интересъ и не разъ служилъ предметомъ научнаго обсужденія въ литературѣ русской и иностранной. Но, не смотря на обиліе русскихъ и иностранныхъ работъ по этому вопросу, онъ ни въ одномъ изъ предшествующихъ трудовъ не былъ поставленъ такъ широко и не обслѣдованъ такъ обстоятельно и глубоко, какъ въ отмѣченномъ трудѣ профессора Московкой духовной академіи И. Н. Корсунскаго.

Главною задачею своего труда профессоръ Корсунскій поставилъ — раскрытіе значенія перевода LXX въ исторіи греческаго языка и литературы греческой. Изслѣдованіе распадается на двѣ, неравныя по объему, части. Въ первой изъ нихъ, озаглавленной «Переводъ LXX толковниковъ» (стр. 23—116), рѣшаются вопросы о времени происхожденія этого перевода, продолжительности времени его производства, о переводчикахъ, характерѣ, достоинствахъ и недостаткахъ перевода въ самомъ себѣ и въ

отношеніи къ еврейскому подлиннику, объ отношеніи его къ другимъ греческимъ переводамъ священныхъ книгъ Ветхаго Заѡѡта и о дальнѣйшей его судьбѣ. Во второй части (стр. 119—644) выясняется значеніе перевода LXX въ исторіи греческаго языка и словесности греческой, при чемъ сначала дается характеристика языка перевода LXX самого въ себѣ и въ его отношеніи къ языку греческому классическому — со стороны лексикографіи, логической организаціи, грамматики и стилистическихъ свойствъ и особенностей, а затѣмъ опредѣляются слѣды языковаго и литературнаго вліянія перевода LXX на различнаго рода дохристіанскіе и христіанскаго времени памятники письменности греческой, а именно: неканоническія и апокрифическія книги Ветхаго Заѡѡта, іудейско-эллинистическую литературу, греческіе переводы Ветхаго Заѡѡта Акилы, Симмаха и другихъ, новозаѡтныя священные писанія и пр.

Общія положенія разсматриваемаго изслѣдованія кратко можно представить въ слѣдующемъ видѣ. Переводъ LXX, по времени своего происхожденія, относится къ III вѣку до Рождества Христова, при чемъ переведены были постепенно, въ теченіе около шестидесяти лѣтъ, всѣ каноническія книги Ветхаго Заѡѡта, начиная съ пятокнижія Моисеева и кончая агіографами. Производство перевода совершилось въ Александріи Египетской, хотя самый еврейскій подлинникъ священныхъ книгъ Ветхаго Заѡѡта былъ палестинскаго происхожденія. Переводчиками были ученые египетскіе іудеи, дѣйствовавшіе однако не безъ того или иного участія и палестинскихъ книжниковъ. Переводъ LXX, во многихъ своихъ мѣстахъ, имѣетъ большое значеніе для возстановленія первоначальнаго вида подлиннаго еврейскаго текста Библіи. Съ другой стороны, переводъ этотъ, по разнымъ причинамъ, во многомъ отстываетъ отъ еврейскаго подлинника. Автографъ перевода не дошелъ до насъ. Древнѣйшія же рукописи списковъ его не восходятъ далѣе III—IV христіанскаго вѣка. Наиболѣе важныя изъ нихъ суть: Ватиканская, Синайская и Александрійская. Переводъ LXX написанъ на греческомъ языкѣ такъ называемаго κοινὴ διάλεκτος (общаго нарѣчія), постепенно перешедшаго изъ устнаго въ литературное употребленіе въ послѣклассическую эпоху исторіи древней Греціи, со времени Аристотеля. Κοινὴ διάλεκτος перевода LXX выдерживаетъ основной характеръ свой, состоя изъ стихій разныхъ древнегреческихъ діалектовъ съ преобладаніемъ аттическаго. Лексиконъ перевода LXX, представляя въ самой большей своей части слова, бывшія въ употребленіи и у писателей классическаго періода древней Греціи (начиная съ Гомера и кончая современникомъ Аристотеля Демосоеномъ, умершимъ въ 323 г. до Р. Х.), съ другой стороны даетъ въ себѣ видѣть богатый запасъ новыхъ словъ, изъ коихъ весьма многія *впервые*, а нѣкоторыя даже въ извѣстномъ смыслѣ и *исключительно* употребляются только у LXX-ти. Исключительно или впервые употребляемыя въ переводѣ LXX слова имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи греческаго языка, обогащая собой лексиконъ обще-греческій, пролагая путь новой стадіи въ развитіи

греческаго языка — *церковно-греческой* и служа нерѣдко посредствующимъ звеномъ между языкомъ классическаго періода и ново-греческимъ. Въ лексиконѣ LXX есть много словъ *поэтическихъ* и *чужеземныхъ*, также весьма важныхъ для характеристики языка перевода LXX какъ въ его отношеніи къ языку греческому классическому, съ литературою послѣдняго, такъ и въ самомъ себѣ. Въ отношеніи къ логической организаціи языка перевода LXX имѣли немалое значеніе предварительныя работы надъ нею греческихъ писателей классическаго періода, особенно же завершителя этого періода и вмѣстѣ началовождя новаго періода въ исторіи греческаго языка — Аристотеля, съ его ближайшими преемниками въ тѣхъ же работахъ, доказательствомъ чего служатъ весьма нерѣдко встрѣчающіяся у LXX-ти слова, введенныя въ литературное употребленіе не ранѣе Аристотеля и не позже Поливія. Взятыя для примѣра психологическія понятія перевода LXX свидѣтельствуютъ о значительной разности между ними и таковыми же понятіями языческой греческой литературы, при своеобразномъ характерѣ психологіи еврейской по сравненію съ психологіей еллинской. Въ переводѣ LXX не научное раскрытіе этихъ понятій имѣлось въ виду, какъ у мыслителей греческихъ, а общедоступное изложеніе понятія о душѣ ради вѣчнаго спасенія ея въ смыслѣ ветхозавѣтнаго о ней ученія. И лишь незначительное, въ самыхъ общихъ чертахъ, является соприкосновеніе какъ между психологическими понятіями, такъ и между метафорами, ветхозавѣтными (по переводу LXX) съ одной и языческими греческими съ другой стороны. Въ грамматикѣ своей переводъ LXX представляетъ весьма любопытныя и вмѣстѣ глубоко-поучительныя явленія, свидѣтельствующія объ измѣненіяхъ, какія потерпѣлъ языкъ греческій подъ вліяніемъ времени, устнаго его употребленія и мѣстныхъ условій. Какъ въ отношеніи къ звукамъ (фонетикѣ), такъ и въ отношеніи къ формамъ (морфологіи), такъ, наконецъ, и въ отношеніи къ словообразованію, языкъ перевода LXX выдерживаетъ посредствующее положеніе между греческимъ языкомъ классическимъ и тѣмъ же языкомъ послѣклассическаго образованія, пролагая, какъ и въ лексиконѣ своемъ, нерѣдко путь средне- и новогреческому; въ синтаксисѣ же своемъ онъ стоитъ подъ особенно сильнымъ вліяніемъ строя рѣчи еврейской. Подъ вліяніемъ еврейскаго языка и подлинника ветхозавѣтной Библіи LXX толковниковъ должны были, съ одной стороны, вводить въ рѣчь греческую, на ряду съ новыми словами, и новыя обороты рѣчи (такъ называемые гебраизмы), а съ другой, прежнимъ словамъ и оборотамъ рѣчи греческой классическаго періода придавать особый смыслъ, высшее значеніе, соотвѣтственно нарочитой цѣли ихъ перевода, сохраняя, впрочемъ, вообще болѣе или менѣе неизмѣннымъ основной типъ греческаго языка классическаго. Вообще языкъ перевода LXX, своими идиотизмами, отличающими его отъ языка греческаго строго-классическаго, возвышая во многомъ достоинство самаго греческаго языка, полагаетъ твердое основаніе языку *церковному*, которому языкъ

греческій по преимуществу обязанъ своимъ сохраненіемъ (особенно чрезъ употребленіе его при богослуженіи) до настоящаго времени. Изъ свойствъ перевода LXX, какъ перевода,—которыя обыкновенно располагаются въ такомъ порядкѣ: точность, ясность и чистота, въ немъ, по особенностямъ цѣли его, на первомъ мѣстѣ является *ясность*, на второмъ—*точность* и на послѣднемъ—*чистота*. Особенности же достоинства его со стороны изложенія суть: простота, естественность и выразительность. Какъ достоинства, такъ и другія свойства и особенности перевода LXX, при величайшемъ разнообразіи содержанія переведенныхъ книгъ ветхозавѣтныхъ, при высотѣ цѣли его, придаютъ этому переводу, какъ памятнику древней письменности, весьма важное значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности среди другихъ памятниковъ этой письменности, не только переводныхъ, но и оригинальныхъ; ибо чрезъ него пролить былъ новый, въ высшей степени плодотворный свѣтъ въ греческій міръ мысли и жизни. Слѣды языковаго и литературнаго вліянія перевода LXX неизгладимыми чертами отразились, прежде всего, на неканоническихъ и апокрифическихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, затѣмъ на іудейско-эллинистической литературѣ, на переводахъ Акилы, Симмаха и другихъ, отчасти также на позднѣйшихъ его произведеніяхъ языческой греческой письменности, особенно же на священныхъ писаніяхъ Новаго Завѣта и на различныхъ произведеніяхъ церковной письменности христіанства (напримѣръ, святоотеческой и богослужебной). Изученіе перевода LXX и со стороны языка, изложенія и со стороны содержанія его, какъ перевода книги книгъ—Библии, будучи весьма важно въ научномъ отношеніи, весьма плодотворно въ религіозно-нравственномъ отношеніи, между прочимъ для насъ, русскихъ, ибо нашъ славянскій переводъ Библии, по большей части, есть какъ бы точный снимокъ съ греческаго перевода LXX толковниковъ (приложеніе I, стр. I—III).

Къ изслѣдованію, представляющему обширное раскрытіе указанныхъ общихъ положеній, присоединены шесть приложений (стр. I—LX) слѣдующаго содержанія: 1) тезисы къ сочиненію, 2) указатель мѣстъ св. Писанія, приводимыхъ и изъясняемыхъ въ книгѣ, 3) алфавитный указатель важнѣйшихъ именъ, словъ и фразъ греческихъ, встрѣчающихся въ переводѣ LXX, 4) указатель важнѣйшихъ именъ и предметовъ на иностранныхъ языкахъ и на языкѣ русскомъ, 5) дополнительный азбучный указатель именъ греческихъ писателей, анонимныхъ сочиненій и сборниковъ, не упомянутыхъ въ предшествующемъ указателѣ, и 6) таблица упоминаемыхъ въ книгѣ греческихъ писателей по вѣкамъ ихъ жизни и литературной дѣятельности.

Сочиненіе профессора Корсунскаго весьма полно и обстоятельно раскрываетъ происхожденіе перевода LXX и его значеніе въ исторіи греческаго языка и литературы. Въ русской наукѣ оно совершенно необходимо, какъ первый опытъ изученія весьма важнаго въ богословскомъ и филологическомъ отношеніяхъ памятника греческой письменности, а ли-

тературу иностранную по вопросу о переводѣ LXX оно дополняетъ многими новыми изысканіями, — исправляетъ нѣкоторыя неправильныя воззрѣнія, въ ней утвердившіяся, и освѣщаетъ такія стороны предмета, на которыя было обращено мало вниманія. За свое сочиненіе профессоръ Корсунскій удостоенъ ученой докторской степени.

А. П. Лебедевъ, *Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ. Съ приложеніями къ «Исторіи вселенскихъ соборовъ»*. Изданіе второе. Москва. 1897. Стр. 332. Указанная книга составляетъ вторую часть «Исторіи вселенскихъ соборовъ» проф. А. П. Лебедева (Виз. Врем., т. III, в. 3 и 4, стр. 686—687) и четвертый томъ второго изданія полного собранія его церковно-историческихъ сочиненій.

Въ этой книгѣ почтенный ученый обозрѣваетъ исторію пятого, шестого и седьмого вселенскихъ соборовъ. Книга состоитъ изъ введенія и трехъ отдѣловъ, каждый изъ которыхъ раздѣляется на главы. Во введеніи (стр. 1—9) сообщаются краткія свѣдѣнія о распространеніи монофизитства послѣ четвертаго вселенскаго собора, послужившемъ поводомъ къ созванію и пятого вселенскаго собора. Соборъ Халкидонскій, четвертый вселенскій (451 г.), осудилъ ересь монофизитскую и восторжествовалъ надъ нею, выяснивъ отличіе истины православія отъ ереси монофизитской, но не истребилъ окончательно монофизитства на Востокѣ. Это показали беспорядки, нестроенія и даже открытыя возмущенія въ Палестинѣ, Египтѣ, Сиріи и Константинополѣ, какими были встрѣчены догматическія опредѣленія Халкидонскаго собора вскорѣ послѣ его окончанія. Монофизиты обвиняли православную церковь главнымъ образомъ въ томъ, что она не осудила Θεодора, епископа мопсуетскаго, Θεодорита, епископа кирскаго, и Иву, епископа едесскаго, которые принимали участіе въ появленіи и развитіи ереси несторианской и въ борьбѣ этой ереси противъ православія; это дало монофизитамъ поводъ утверждать, что церковь держится ереси несторианской. Съ другой стороны, и несториане, которыхъ было много въ восточной римской имперіи, сохранили твердую память о Θεодорѣ, Θεодоритѣ и Ивѣ, изучали и распространяли тѣ сочиненія этихъ церковныхъ писателей, въ которыхъ высказывались несторианскія воззрѣнія. Такимъ образомъ для того, чтобы отнять у монофизитовъ поводъ къ нападкамъ на церковь, а у несторианъ — средства къ утвержденію въ своей ереси, церкви надлежало произнести свое осужденіе на Θεодора, Θεодорита и Иву за то, что ими написано и сдѣлано въ пользу несторианства и противъ церковнаго ученія. Этимъ дѣломъ и занялась церковь, по внушенію императора Юстиніана. Около 544 года Юстиніанъ издалъ указъ, которымъ подвергалъ анаѳемѣ Θεодора Мопсуетскаго со всѣми его сочиненіями и ученіемъ, Θεодорита Кирскаго за его сочиненія, направленныя противъ св. Кирилла Александійскаго и третьяго вселенскаго собора, Иву Едесскаго за его посланіе къ нѣкому Марію Персу. Но императорскій указъ, вмѣсто того, что умиротворить церковь, подалъ поводъ къ возникновенію сильнаго спора изъ-за указан-

ныхъ лицъ, такъ какъ на ряду съ порицателями нашлись и многіе защитники ихъ дѣятельности и ученія. Такъ возникъ въ церкви споръ «о трехъ главахъ», послужившій основаніемъ къ созванію пятого вселенскаго собора. Объ этомъ соборѣ рѣчь и идетъ въ первомъ отдѣлѣ разсматриваемой книги.

Первый отдѣлъ состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой изъ нихъ (стр. 10—33) выясняется происхожденіе спора «о трехъ главахъ», какъ это и изложено у насъ, во второй (стр. 34—53) подробно разсматривается исторія этого спора, охватившаго не только Востокъ, но и Западъ и подавшаго поводъ къ написанію съ той и другой стороны нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній, а въ третьей главѣ (стр. 54—72) описывается дѣятельность пятого вселенскаго собора 553 года. Эта дѣятельность заключалась въ изслѣдованіи сочиненій Θεодора, Θεодорита и Ивы въ связи съ ихъ жизнью; на основаніи разслѣдованія, соборъ въ своемъ приговорѣ, осудивъ лицо и сочиненія Θεодора Мопсуетскаго, пощадиъ лицо Θεодорита Кирскаго и Ивы Едесскаго, а осудилъ только нѣкоторыя ихъ сочиненія.

Во второмъ отдѣлѣ рѣчь идетъ о ереси моноелитской и шестомъ вселенскомъ соборѣ. Отдѣлъ заключаетъ двѣ главы, изъ коихъ первая (стр. 73—98) рассказываетъ о происхожденіи ереси и о дѣятельности главныхъ ея представителей—императора Ираклія, патріарховъ Сергія и Кира и папы Гонорія, а съ другой стороны—характеризуетъ поборниковъ православія—патріарха іерусалимскаго Софронія, св. Максима Исповѣдника и св. Мартина и описываетъ ихъ борьбу съ еретиками и страданія за истинную вѣру. Во второй главѣ (стр. 99—122) описывается дѣятельность шестого вселенскаго собора 680 года, которая состояла въ подробномъ изслѣдованіи лжеученія еретиковъ-моноелитовъ (антіохійскаго патріарха Макарія, мелитинскаго епископа Θεодора, монаха Полихронія, апамейскаго пресвитера Константина и другихъ) и въ надлежащемъ изложеніи православнаго ученія о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ. Въ заключеніи главы (стр. 122—125) обозрѣваются опредѣленія пято-шестого или трульскаго собора 691—2 года.

Третій и самый большій отдѣлъ книги излагаетъ исторію иконоборства и седьмого вселенскаго собора. Отдѣлъ содержитъ четыре главы. Въ первой изъ нихъ (стр. 126—151) уясняется происхожденіе иконоборства и описывается иконоборческая дѣятельность императора Льва Исавряннина. Выясняя происхожденіе иконоборческой ереси, профессоръ Лебедевъ находитъ, что она составляла явленіе совершенно оригинальное въ жизни церкви и не имѣла никакой связи съ прежними еретическими заблужденіями; но въ то же время эта ересь подготовлялась вѣками и своимъ возникновеніемъ обязана стеченію благопріятныхъ для этого обстоятельствъ въ VIII вѣкѣ, хотя могла и вовсе не возникнуть. Ересь иконоборства подготовлялась въ церкви постепенно, начиная съ IV-го и V-го вѣковъ, когда на ряду съ иконоупотребленіемъ и иконопочитаніемъ воз-

никло и отрицательное отношеніе къ инокамъ. Противодѣйствіе иконопочитанію оказывалъ уже Евсевій, епископъ кесарійскій, знаменитый историкъ, другъ и наперсникъ Константина Великаго, а затѣмъ—евноміане, нѣкоторыя секты несторіанскія и монофизитскія; иконоборцы существовали и въ VI—VII вѣкахъ, какъ свидѣтельствуя церковные писатели (Анастасій Синаитъ, Симеонъ Столпникъ, Леонтій, епископъ никопольскій, Іоаннъ, епископъ ессалоникійскій); наконецъ, мусульманское владычество, начавшее распространяться на христіанскомъ Востокѣ въ VII вѣкѣ, заявило себя рѣшительнымъ иконоборствомъ, къ соблазну для почитателей иконъ. Такимъ образомъ, еще до возникновенія иконоборства въ VIII в., иконоборцевъ на Востокѣ было много и они представляли изъ себя не малую силу. Нужны были только благопріятныя условія, чтобы разрозненныя иконоборческія силы слились въ одно теченіе, нашли себѣ поддержку въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и иконоборчество должно было открыться въ грозномъ видѣ. Это и случилось при императорѣ Львѣ Исаврянинѣ (717—741 г.). Описавъ иконоборческую дѣятельность этого императора и уяснивъ предметъ спора между почитателями и противниками иконъ, профессоръ Лебедевъ во второй главѣ третьяго отдѣла (стр. 152—172) изображаетъ господство иконоборческой ереси въ царствованіи императора Константина Копронима (741—775 г.), когда иконоборство достигло наибольшаго развитія и сопровождалось жестокими преслѣдованіями почитателей иконъ. Въ третьей главѣ (стр. 173—205) рѣчь идетъ о седьмомъ вселенскомъ соборѣ (787 г.), на которомъ состоялся судъ надъ иконоборствомъ и было выработано и утверждено православное вѣроопредѣленіе объ иконахъ. Наконецъ, въ четвертой главѣ (стр. 206—228) описываются послѣднія времена иконоборства—при императорахъ: Львѣ Армянинѣ (813—820 г.), Михаилѣ II Косноязычномъ (820—829 г.) и Теофилѣ (829—842 г.) и изображается дѣятельность св. Теодора Студита въ защиту иконопочитанія; борьба закончилась въ 842 году торжествомъ иконопочитанія.

Въ разсматриваемой книгѣ профессора Лебедева находится также приложеніе къ «Исторіи вселенскихъ соборовъ», состоящее изъ слѣдующихъ статей: 1) Первый никейскій соборъ по тексту коптскому (стр. 231—245); 2) Константинопольскій соборъ 448 года противъ Евтихіа, рассказъ на основаніи актовъ четвертаго вселенскаго собора (стр. 246—265); 3) Соборъ разбойничій 449 года, руководимый Діоскоромъ, рассказъ на основаніи актовъ того же IV вселенскаго собора (стр. 266—286); 4) Соборъ разбойничій 449 года въ сирскомъ текстѣ (стр. 287—296) и 5) Халкидонскій четвертый вселенскій соборъ 451 года, рассказъ на основаніи актовъ этого собора (стр. 297—332). И эти статьи были раньше напечатаны почтеннымъ ученымъ въ различныхъ духовныхъ журналахъ.

Александръ Хахановъ, *Очерки по исторіи грузинской словесности. Выпускъ II. Древняя литература до конца XII вѣка*. Москва. 1898. Стр. 355. На страницахъ нашего журнала было сообщеніе о первомъ выпускѣ

«Очерковъ по исторіи грузинской словесности» г. Хаханова (Виз. Врем., т. II, вып. 3, стр. 476—477). Теперь предъ нами второй выпускъ этихъ очерковъ, посвященный древней грузинской литературѣ до конца XII в. Настоящій выпускъ открывается введеніемъ, въ которомъ авторъ говоритъ о грузинскомъ языкѣ и грузинскомъ алфавитѣ (стр. 1—21). По сообщенію автора, грузинскій языкъ относится къ иверійской группѣ языковъ, въ составъ коей входятъ нарѣчія: грузинское, мингрельское, лазское и сванетское, съ говорами грузинскихъ горцевъ: тушинъ, пшавовъ, хевсуровъ и ингилойцевъ. Грузинскій языкъ, въ сравненіи съ прочими родственными языками, занимаетъ самую большую территорію того пространства, на которомъ распространена иверійская группа языковъ и которое извѣстно подъ именемъ Грузіи или Иверіи (Георгіи, Гурджистанъ и пр.). При этомъ, этимологическія формы грузинскаго языка оказываются въ общемъ сложнѣе и разнообразнѣе таковыхъ же формъ сродныхъ съ нимъ языковъ. Но сложность и богатство формъ не даютъ права грузинскому языку быть отцомъ остальныхъ языковъ; онъ лишь ихъ братъ, можетъ быть и старшій. Въ составъ грузинскаго языка вошло не мало словъ изъ другихъ языковъ. Въ особенности много вскрывается корней персидскихъ, арабскихъ и греческихъ въ древнѣйшихъ памятникахъ грузинской письменности; встрѣчаются также корни санскритскіе, манджурскіе, китайскіе, армянскіе, свидѣтельствующіе о культурныхъ сношеніяхъ Грузіи посредственно или непосредственно съ отдаленными центрами древняго просвѣщенія. Научное изученіе грамматики грузинскаго языка началась еще въ XII вѣкѣ, когда «божественный» Іоаннъ Петрицій составилъ первую грузинскую грамматику, не дошедшую до нашего времени. Дѣло Іоанна Петриція продолжали грамматики и иностранцы (католическій миссіонеръ Maggio, Raolini, академикъ Броссе), и туземцы (католикосъ Антоній I, ректоръ телавской семинаріи Гаіозъ, царевичъ Давидъ, архіепископъ Варлаамъ, Іасей Чубиновъ, Соломонъ Додаевъ, Пл. Иосселиани, Давидъ Чубиновъ, Дм. Кипіани, Жорданія и др.). Но двухвѣковая разработка грузинскаго языка не выяснила законовъ его внутренняго механизма и не опредѣлила его грамматическаго строенія. Причина этой безуспѣшности заключается, по мнѣнію г. Хаханова, въ трудности предмета изслѣдованія, въ недостаточности матеріала, привлекаемаго учеными для разрѣшенія намѣченной задачи и въ неудовлетворительности самаго метода изслѣдованія. По этой же причинѣ до сихъ поръ остается открытымъ и вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи грузинскій языкъ находится къ другимъ группамъ языковъ. По этому вопросу существуютъ различныя мнѣнія. Извѣстный философъ Лейбницъ поддерживалъ мнѣніе о сходствѣ грузинскаго языка съ греческимъ и латинскимъ; академикъ Броссе проводилъ мысль о сродствѣ грузинскаго языка съ индо-европейскими; отецъ сравнительнаго языкознанія, замѣчательный лингвистъ Боппъ, поддерживалъ мнѣніе Броссе; англійскій лингвистъ Максъ Мюллеръ отнесъ грузинскій языкъ къ туранской семьѣ

языковъ, а вѣнскій профессоръ Фридрихъ Мюллеръ признавалъ иверійскую группу языковъ изолированной, стоящей особнякомъ. Лексикография грузинская также представляется въ неудовлетворительномъ состояніи. Что касается грузинскаго алфавита, то о происхожденіи его также нѣтъ опредѣленнаго научнаго воззрѣнія. У грузинъ существуетъ два алфавита — мхедрули (гражданскій) и хуцури (церковный). По одному мнѣнію, грузинскій алфавитъ появился еще въ III вѣкѣ до Р. Х. при царѣ Фарнавазѣ и именно въ видѣ мхедрули, т. е. круглаго письма, по другому же мнѣнію, хуцури старше мхедрули и служитъ основнымъ прототипомъ, изъ котораго постепенно развивается мхедрули, при чемъ изобрѣтеніе алфавита хуцури (письмо прямолинейное) приписывается армянину Месропу, жившему въ V вѣкѣ по Р. Х. Разсмотрѣвъ оба эти мнѣнія о происхожденіи грузинскаго алфавита, г. Хахановъ, отрицая за Месропомъ роль изобрѣтателя грузинскихъ буквъ, однако оставляетъ открытымъ вопросъ о томъ, какой изъ двухъ алфавитовъ долженъ быть признанъ наиболѣе древнимъ. Историческія соображенія говорятъ за древность мхедрули, а палеографическія особенности памятниковъ письменности — за старшинство хуцури. Рѣшеніе этой дилеммы, по взгляду нашего автора, можетъ получить болѣе утвердительную форму тогда, когда лучше будутъ изучены характеръ и особенности первыхъ памятниковъ грузинской письменности, а пока это не сдѣлано, рѣшеніе вопроса о древности одного алфавита сравнительно съ другимъ можетъ носить субъективные оттѣнки и отраженія личнаго настроенія.

Послѣ этого введенія авторъ приступаетъ къ историческому обзору грузинской литературы, который и начинается общей характеристикой и перечисленіемъ памятниковъ письменности до конца XII вѣка (стр. 22—29). Исторію грузинской словесности до конца XII вѣка онъ дѣлитъ на два періода — подготовительный съ V по X вѣкѣ и классическій — съ X по XII вѣкѣ. Подготовительный періодъ обнимаетъ произведенія преимущественно духовнаго содержанія: переводы священнаго писанія, творенія отцевъ и учителей церкви, назидательныя сочиненія и житія святыхъ. Второй періодъ дополняется хрониками и хронографами, юридическими, философскими и художественными произведеніями. Главными дѣятелями просвѣщенія за первый періодъ были лица духовныя и монахи, а центрами просвѣщенія — монастыри, устроенные по образцу монастырей византійскихъ. Во второй періодъ литература разрабатывалась и свѣтскими лицами.

Для удобства обозрѣнія грузинской литературы до начала XIII вѣка, г. Хахановъ распредѣляетъ подлежащій его изслѣдованію матеріалъ на слѣдующія группы: 1) памятники агіографическіе и назидательные, 2) памятники историческіе, 3) памятники собственно литературные и 4) памятники юридическіе.

Въ первомъ отдѣлѣ книги (стр. 29—119) рѣчь идетъ объ агіобіографическихъ произведеніяхъ грузинской литературы, составлявшихъ по

образцу агиографіи восточно-византійской и имѣвшихъ весьма широкое распространеніе въ Грузіи. Г. Хахановъ разсматриваетъ съ историко-литературной точки зрѣнія слѣдующія житія: св. Мурваноса или Петра (V в.), св. Або (VIII в.), св. Нины, св. Георгія (XI в.), свв. Іоанна и Евфимія, св. Георгія Святогорца (1014—1065 г.); нѣкоторыя изъ этихъ житій (напр., св. Нины) обозрѣваются съ особою подробностью. Въ этомъ же отдѣлѣ г. Хахановъ говоритъ о повѣсти «Мудрость Балавара», представляющей грузинскую передѣлку извѣстной исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ, и сравниваетъ ее съ житіемъ Будды (по изслѣдованію академика Веселовскаго); въ результатѣ у г. Хаханова получается, что исторія Варлаама и Іоасафа есть ничто иное, какъ христіанская перелицовка, и притомъ очень точная, повѣсти о жизни и духовномъ развитіи Будды. Въ заключеніи отдѣла сообщается о «гимницѣ» X вѣка, содержащей въ себѣ хвалебныя гимны и пѣсни на главные христіанскіе праздники, а также въ честь различныхъ святыхъ мужей, и перечисляются рукописи IX—XII вѣковъ, хранящіяся въ тифлисскомъ церковномъ музеѣ.

Во второмъ отдѣлѣ (стр. 120—148) обозрѣваются историческіе памятники грузинской литературы. Отдѣлъ предваряется краткимъ историческимъ взглядомъ на внѣшнюю исторію Грузіи X—XII вѣковъ, гдѣ съ нѣкоторою подробностью ведется рѣчь о грузинскомъ царѣ Давидѣ III Возобновителѣ (1089—1125 г.), основавшемъ могущественное грузинское царство и извѣстномъ въ исторіи и грузинской литературѣ. Ему принадлежатъ: завѣщаніе, пѣсни покаянія и церковныя постановленія, которыя и анализируются въ книгѣ нашего автора. Къ памятникамъ собственно историческимъ у г. Хаханова отнесены: 1) лѣтопись «Картлисъ-Цховреба», извѣстная въ нѣсколькихъ вариантахъ (Румянцевскомъ, царевича Теймураза, кн. Мингрельскаго, Церковнаго музея, царицы Маріи и др.), 2) «Обращеніе Грузіи» (X в.), гдѣ повѣствуется о событіяхъ въ Грузіи отъ времени Александра Македонскаго до X вѣка и о просвѣтительной дѣятельности св. Нины, 3) грузинская хроника, переведенная въ XII вѣкѣ на армянскій языкъ (*Chronique Arménienne*), и 4) мѣстныя хроники. Описавъ эти памятники, г. Хахановъ въ концѣ отдѣла разсуждаетъ о составѣ и источникахъ начальной грузинской лѣтописи.

Третій отдѣлъ (стр. 149—314) посвященъ собственно литературнымъ памятникамъ грузинской словесности, возникшимъ въ эпоху царицы Тамари (1184—1212 г.). Эта эпоха была блестящимъ періодомъ въ исторіи Грузіи, которая достигла въ это время высокаго развитія, политическаго и культурнаго. Побѣдоносныя войны съ персами, сарацинами, турками и византійцами расширяли территоріальныя границы Грузіи и даровали ей несмѣтныя богатства, которыя были употреблены «богоравной» царицей на постройку крѣпостей, а главнымъ образомъ — церквей, монастырей и школъ. Водворившійся за войнами миръ отразился на развитіи науки и искусства и на блестящемъ расцвѣтѣ грузинской литературы, создавшейся подъ воздѣйствіемъ трехъ культуръ — арабской, персидской и византій-

ской. При дворѣ царицы Тамары собирается плеяда славныхъ писателей, возведшихъ грузинскій языкъ до полнаго совершенства въ своихъ поэмахъ и романахъ. Къ этому времени относятся творенія Хонели, Тмогвели, Руставели, Шавтели, Чахруха и другихъ. Мосе Хонели написалъ рыцарскій романъ «Амиранъ-Дареджаніани», гдѣ изобразилъ рыцарскіе подвиги Амирана, популярнаго героя народныхъ сказаній, имѣющаго много общаго съ греческимъ Прометеемъ. Саргису Тмогвели приписывается повѣсть «Висраміани», получившая названіе по имени своихъ главныхъ героевъ Висы и Рамина; повѣсть представляетъ передѣлку персидской поэмы. Кромѣ того, Тмогвели написалъ оригинальную поэму «Диларіани», гдѣ воспѣлъ подвиги витязя Дилара. Абдулъ Мессія Шавтели сложилъ поэму «Похвала царицы Тамары и супруга ея царя Давида», гдѣ художественно изобразилъ дѣла этой царицы, которую онъ называетъ воспитательницей и учительницей грузинскаго народа, благотворительницей, главнымъ судьей надъ судьями, сосудомъ мудрости, покровительницей иностранцевъ, стержнемъ правосудія въ государствѣ, глазомъ слѣпыхъ, наставницей юношей, хлѣбомъ голодныхъ, кровомъ безпріютныхъ, матерью сиротъ, судьей вдовствующихъ, твердымъ посохомъ для старцевъ и тружениковъ, охранительницей чистоты постановленій всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ. Но среди грузинскихъ классиковъ первое мѣсто принадлежитъ Шота Руставели, возвышающемуся величественнымъ вѣчно-юнымъ колоссомъ въ теченіе семисотъ лѣтъ. Его поэма «Барсова кожа» или «Человѣкъ въ барсовой кожѣ», современница русскому «Слову о полку Игоревѣ», составляетъ литературную гордость всего грузинскаго населенія. Въ твердомъ сознаніи высокихъ достоинствъ этой поэмы, грузины настойчиво приглашаютъ иностранцевъ знакомиться съ бессмертнымъ твореніемъ своего Руставели. Ренанъ, Сютнеръ, Уордрупъ, читавшіе «Барсову кожу» въ рукописи на французскомъ языкѣ, дѣйствительно, согласны въ томъ, что эта поэма — высоко-художественное произведеніе, проникнутое глубокою мыслью и теплотою чувствъ. Героями поэмы изображены слѣдующія лица: Таріель, индійскій царевичъ, Нестанъ-Дареджани, дочь царя Парсадана, Тинатина, дочь арабскаго царя Растевана, и вождь Автандилъ. Поэма, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, имѣетъ и національное значеніе, такъ какъ направлена къ прославленію царицы Тамары. Наконецъ, поэтъ Чахруха составилъ поэму изъ 115 куплетовъ въ прославленіе царицы Тамары. Изъ второстепенныхъ поэтовъ разсматриваемой эпохи извѣстны: Загнакори и Давидъ Саатабагоели.

Въ послѣднемъ (четвертомъ) отдѣлѣ книги г. Хаханова (стр. 315—351) обозрѣваются богословскіе, философскіе и юридическіе памятники грузинской литературы. Богословско-философскіе произведенія грузинской письменности до XIII вѣка имѣютъ почти исключительно компилятивный характеръ и представляютъ большею частью переводъ и передѣлку византійскихъ и древне-греческихъ сочиненій. Изъ писателей, извѣстныхъ

своими богословско-философскими трудами, слѣдуетъ отмѣтить Іоанна Петрици, который былъ истиннымъ философомъ, поэтомъ, грамматикомъ и астрологомъ, Іоанна Таридчисдзе, Савву Сингели, Ефрема Младшаго, Арсенія Икальтоели. Въ теченіе X—XII вѣковъ въ Грузію проникли также въ переводахъ съ греческаго хронографы, апокрифы и физиологъ. Изъ юридическихъ памятниковъ г. Хахановъ отмѣчаетъ единственный монастырскій уставъ, данный въ XII вѣкѣ Сергѣемъ Мхаргрдзели Ваганскому св. Георгія монастырю въ Тао-Кларджетіи, и нѣкоторые царскіе указы—гуджары и сигели, касающіеся церковныхъ и монастырскихъ имуществъ.

На стр. 352—355 предложены нѣкоторыя дополненія и поправки къ тексту изслѣдованія.

Книга г. Хаханова достаточно подробно излагаетъ исторію грузинской литературы, хорошо раскрываетъ содержаніе и значеніе многихъ ея памятниковъ и вообще весьма полезна для ознакомленія съ малоизвѣстною у насъ письменностью близкой и къ Россіи, и къ Византіи Грузіи.

Юліанъ Кулановскій. *Къ исторіи готской епархіи (въ Крыму) въ VIII вѣкѣ* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898 г., февраль, стр. 173—202).—Статья написана по поводу изданнаго Де-Бооромъ документа изъ серіи *Notitiae episcopatum*, извлеченнаго изъ собранія рукописей Парижской библіотеки (Reg. 1555. A² fol. 23^v sqq.) и напечатаннаго въ журналѣ *Zeitschrift für Kirchengeschichte* (т. XII и XIV). Въ этомъ документѣ содержится матеріалъ и для исторіи юга нынѣшней Россіи, новый сравнительно съ данными извѣстныхъ прежде списковъ епархій константинопольскаго престола. Именно, въ болѣе древнихъ спискахъ константинопольскихъ епархій Готія опущена вовсе и лишь въ списокѣ времени Льва Мудраго является въ рангѣ архіепископіи. Въ болѣе позднее время Готія вмѣстѣ съ другими сосѣдними епархіями была сдѣлана митрополіей, какъ это видно изъ списка, принадлежащаго времени Андроника Палеолога Старшаго, и изъ документовъ константинопольскаго патріархата отъ XIV и XV вѣковъ,—изданныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ (т. 1 и 2). И свѣдѣнія объ іерархахъ, занимавшихъ готскую кафедру въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, болѣе или менѣе прочно установлены въ русской ученой литературѣ (Кёппенъ, епископы Арсеній и Гермогенъ, академикъ В. Г. Васильевскій). Что касается списка константинопольскихъ епархій, опубликованнаго Де-Бооромъ, то готская епархія является въ немъ въ рангѣ митрополіи на 37 мѣстѣ общаго перечисленія, а въ перечнѣ митрополій съ зависящими отъ каждаго митрополита епископскими кафедрами, находящемся въ томъ же документѣ, Готія является уже на 38 мѣстѣ, послѣ епархіи «Первой Мизіи». Далѣе, готскій митрополитъ имѣлъ свою кафедру въ городѣ *Δόρος*, столицѣ крымскихъ готовъ; въ предѣлахъ его епархіи было семь епископовъ (*ὁ Χοτζήρων, ὁ Ἀστῆλ, ὁ Χουάλλης, ὁ Ὀνογούρων, ὁ Ρετέγ, ὁ Οὔνων, ὁ Τουράτχα*), которые

были распределены на обширной территории, охватывавшей Крымъ и пространство южно-русскихъ степей до нижняго теченія Волги. Де-Бооръ относитъ опубликованный имъ списокъ константинопольскихъ епархій къ VIII вѣку и притомъ, точнѣе, ко времени немного раньше седьмаго вселенскаго собора (787 г.). Но относительно готской епархіи Де-Бооръ высказываетъ предположеніе, что здѣсь сохранены условія времени Юстиніана Великаго, такъ какъ нашествіе аваръ въ послѣдніе годы Юстиніана произвело широкое опустошеніе въ южно-русскихъ степяхъ и кореннымъ образомъ измѣнило сложившіяся здѣсь раньше политическія отношенія, а потому тотъ ихъ строй, какой данъ въ изслѣдуемомъ памятникѣ, «не могъ уцѣлѣть послѣ аварскаго нашествія, а тѣмъ менѣе— вновь возникнуть». Но профессоръ Кулаковскій, на основаніи Прокопія и Спнекедема Іерокла, показываетъ, что въ пору Юстиніана не можетъ быть и рѣчи о существованіи готской митрополіи въ Крыму, а данныя другой исторической эпохи, именно того времени, когда хозарская держава вошла въ кругозоръ византійской политики, приводятъ къ мысли, что и свидѣтельство о готской митрополіи; какъ и другія показанія того же списка, должно приурочить ко второй половинѣ VIII вѣка. Обращаясь къ выясненію данныхъ, заключающихся въ свидѣтельствѣ о предѣлахъ готской епархіи, г. Кулаковскій утверждаетъ, что митрополія епархіи Дорось или Θεόδωρὸς лежала на той скалѣ, гдѣ теперь находятся развалины Мангупъ-Кале; Ἀστὴλ — это столица хазарской державы, лежавшая на Волгѣ (Ἀττίλα, Τίλ, Ἀττήλ, Ἀτελ); Τυράταρχα — тоже самое, что Ταράταρχα Константина Порфиророднаго, Τά Μάταρχα и Τά Μάτραρχα другихъ византійцевъ, Тматороканъ — русскихъ, Matrega — генуезцевъ, нынѣшняя Тамань; о мѣстности Ρετέγ профессоръ Кулаковскій не высказываетъ никакихъ догадокъ, а Χουάλη, созвучное съ древне-русскимъ наименованіемъ Каспійскаго моря—Хвалиское, а потомъ Хвалынское, по его предположенію, былъ городъ въ устьяхъ рѣки Волги. Остальные епископства названы въ анализируемомъ памятникѣ именами племенъ: ὁ Χοτζήγων, ὁ Ὀνογουρων, ὁ Οὐνων. Изъ нихъ Оногуры извѣстны многимъ византійскимъ писателямъ и занимали бассейнъ рѣки Кубани и степныя пространства къ сѣверу. Епископъ гунновъ (ὁ Οὐνων), по мнѣнію г. Кулаковского, былъ духовнымъ главою той паствы, которая существовала на крымской территории, быть можетъ — на Керченскомъ полуостровѣ, со временъ императора Ираклія, какъ сообщаетъ патріархъ Никифоръ, но вскорѣ послѣ своего возникновенія подпала подъ власть хазарскаго кагана и тѣмъ была отторгнута отъ общенія съ Византіей. Наконецъ Χότζηροι или хазары обитали въ восточной части Крыма, къ сѣверо-востоку отъ Крымскихъ горъ. Такимъ образомъ, есть основаніе утверждать фактъ существованія обширной готской епархіи въ VIII вѣкѣ, какъ онъ данъ въ изданномъ Де-Бооромъ списокѣ.

Въ заключеніи статьи (стр. 194—202) помѣщенъ экскурсъ подъ заглавіемъ: *Гдѣ находились Фулы?* Указавъ на имѣющіяся въ ученой литера-

турѣ мнѣнія относительно мѣстоположенія древнихъ Фуллъ, г. Кулаковскій на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ въ спискахъ византійскихъ епархій, въ житіи св. Іоанна Готскаго и др. утверждаетъ, что городъ Фуллы лежалъ въ предгорьяхъ восточной части Крыма и тождественъ со Старымъ Крымомъ — Эски-Крымъ или Солхатъ.

А. Дмитріевскій, Арсеній, архіепископъ елассонскій (суздальскій тожъ), и его вновь открытые историческіе мемуары (продолженіе). Труды Кіевской духовной академіи, 1898, мартъ, стр. 345—372, апрѣль, стр. 559—613).—Продолжая знакомить съ малоизвѣстнымъ въ нашей исторической наукѣ Арсеніемъ, архіепископомъ елассонскимъ, профессоръ Дмитріевскій представляетъ здѣсь анализъ открытыхъ имъ историческихъ мемуаровъ Арсенія. Въ этихъ мемуарахъ не только излагаются историческія событія изъ русской жизни, которыя Арсеній пережилъ въ Россіи, но и данъ очеркъ событій съ самаго начала русской исторіи до царствованія Θεодора Ивановича, при которомъ онъ явился въ Москву. Впрочемъ, этотъ предварительный очеркъ русской исторіи въ высшей степени кратокъ. Профессоръ Дмитріевскій помѣщаетъ его въ своей статьѣ частью въ греческомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ, частью въ изложеніи. Но самыми любопытными страницами мемуаровъ Арсенія нужно признать тѣ, на которыхъ описываются событія изъ временъ царствованій Θεодора Ивановича, Бориса Годунова, перваго самозванца, Василя Ивановича Шуйскаго и эпохи «смутнаго времени» въ собственномъ смыслѣ этого слова, наступившей въ междоцарствіе, т. е. такія событія, которыя происходили на глазахъ автора и въ которыхъ онъ иногда принималъ живое и непосредственное участіе. Въ разсматриваемой статьѣ профессоръ Дмитріевскій пока представляетъ описаніе Арсеніемъ царствованій Θεодора Ивановича, Бориса Годунова и перваго самозванца, при чемъ часть этого описанія приводитъ въ подлинникѣ, часть въ близкомъ къ тексту переводѣ, сопровождая изложеніе своими замѣчаніями. Съ особымъ вниманіемъ профессоръ Дмитріевскій анализируетъ тѣ страницы мемуаровъ Арсенія, которыя заняты описаніемъ царствованія Лжедмитрія, или, какъ выражается Арсеній, «самодержца царя и великаго князя Димитрія изъ монаховъ», и которыя заключаютъ въ себѣ много новыхъ и любопытныхъ подробностей, доселѣ совершенно неизвѣстныхъ нашимъ историкамъ. Таковы, напримѣръ,—описаніе торжественнаго въѣзда въ Москву перваго самозванца и встрѣчи его на лобномъ мѣстѣ русскимъ духовенствомъ, свѣдѣнія о личности втораго русскаго патріарха Игнатія, его избраніи и поставленіи въ московскіе патріархи, оффиціальныя чины коронованія Лжедмитрія, рассказъ о торжественномъ въѣздѣ въ Москву будущей московской царицы Марины Мнишекъ и о браковѣнчаніи ея съ Лжедмитріемъ и другія мелкія замѣчанія.

В. Гладкій, Ученіе святого Іоанна Златоуста о пастырскомъ служеніи по бесѣдамъ его и письмамъ (Первый выпускъ патрологическаго отдѣла журнала «Православный Себесѣдникъ» за 1898 годъ, февраль). Казань.

1898. Стр. 60.—Ученіе излагается въ четырехъ главахъ слѣдующаго со- держанія: 1) величіе, трудность и отвѣтственность пастырскаго служе- нія; 2) основанія успѣшности пастырскаго дѣланія — пастырское на- строеніе и пастырское образованіе; 3) пастырская дѣятельность и 4) па- стырскія скорби, ихъ значеніе и отношеніе къ нимъ пастыря.

С. Шестаковъ, *Анонимъ cod. Paris. gr. 1712 въ предѣлахъ хронографіи Θεοφανα* (Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета, 1897, май— июнь, стр. 1—38, июль—августъ, стр. 1—32).—Въ настоящей статьѣ пред- ложень анализъ анонима cod. Paris. gr. 1712 въ предѣлахъ хронографіи Θεοφана. Въ краткомъ предисловіи авторъ указываетъ на существующія изданія отдѣльных отрывковъ изъ этой анонимной лѣтописи и произ- веденныя въ западной литературѣ немногія о ней изслѣдованія, а также намѣчаетъ въ общихъ чертахъ значеніе анонима для вопроса о составѣ Кедрина и Льва Грамматика, имѣя въ виду сгруппировать выводы изъ помѣщенного здѣсь матеріала въ особой статьѣ.

В. Бокъ, *О коптскомъ искусствѣ. Коптскія узорчатыя ткани* (Труды Восьмого Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. 1890. Подъ редакціей графини П. С. Уваровой. Томъ III. Москва 1897. Стр. 218—245).—Отмѣ- тивъ недавно возникшій научный интересъ къ изученію коптскаго иску- ства и сдѣлавъ краткій обзоръ исторіи христіанства въ Египтѣ, г. Бокъ приходитъ къ мысли, что собственно коптское или христіанско-египет- ское искусство развивалось въ періодъ времени отъ IV-го до IX-го сто- лѣтія, въ десятомъ же вѣкѣ оно было подавлено искусствомъ арабскимъ. Къ означенному періоду слѣдуетъ относить и коптскія ткани, коллекція коихъ (до 2000 экземпляровъ) имѣется, между прочимъ, въ Император- скомъ Эрмитажѣ. Объ этихъ тканяхъ въ статьѣ и идетъ рѣчь, при чемъ говорится объ ихъ происхожденіи, орнаментации, назначеніи и т. п., а затѣмъ описываются приложенныя къ статьѣ таблицы (VI) тканей и перечисляются извѣстныя автору сочиненія, касающіяся коптскаго иску- ства и культуры.

П. Милюковъ, *Время и мѣсто дѣйствія записки греческаго топарха* (Тамъ же, стр. 278—289).—Изложивъ исторію вопроса касательно такъ называемаго Анонимуса Таугісуса, напечатаннаго Газе въ комментаріяхъ къ изданію Льва Діакона, и указавъ на изслѣдованія по этому предмету русскихъ ученыхъ—академиковъ А. А. Куника, В. Г. Васильевского и проф. О. И. Успенскаго, г. Милюковъ предлагаетъ свое объясненіе анонимныхъ от- рывковъ, при чемъ отчасти придерживается воззрѣній академика В. Г. Васильевского, отчасти примыкаетъ къ О. И. Успенскому. Разсказъ то- парха г. Милюковъ сопоставляетъ съ слѣдующимъ событіемъ, происшед- шимъ въ концѣ IX вѣка въ мѣстности между Дунаемъ и Днѣстромъ, близъ города Маврокастроны. Въ 889 году въ эту мѣстность (тепереш- нюю Бессарабію) явились венгры и въ томъ же году были втянуты въ только что начавшуюся борьбу между болгарами и Византіей. Поводъ къ этой войнѣ дала Византія, перенеся торговую контору болгарскихъ

купцовъ изъ Константинополя въ Солунь. Симеонъ Болгарскій, въ отвѣтъ на это, вторгнулся въ Македонію и нѣсколько разъ разбилъ посланное противъ него войско. Тогда императоръ Левъ VI Мудрый обратился къ венграмъ, которые, вѣроятно въ слѣдующемъ 860 году, напали на Болгарію, разбили Симеона и заставили его просить мира у императора. Но это торжество Византіи и достигнутый ею миръ были непродолжительны. Въ 892 году венгры ушли въ походъ противъ Моравіи; Симеонъ воспользовался ихъ отсутствіемъ, прервалъ переговоры съ Византіей, вторгнулся въ занятую венграми страну, страшно опустошилъ ее и перебилъ оставшееся тамъ населеніе; когда венгры вернулись и увидѣли опустошенную страну, они не захотѣли въ ней оставаться и ушли окончательно на средній Дунай. Симеонъ же, раздѣлавшись съ союзниками Византіи, началъ войну съ самой Византіей, одержалъ побѣду при Болгарофигонѣ и заставилъ Византію платить болгарамъ ежегодную дань. По мнѣнію г. Милюкова, описанныя топархомъ событія сами собою укладываются въ рамки изложенныхъ происшествій, объясняются ими и, въ свою очередь, служатъ имъ для объясненія. Несомнѣнно, что мѣсто короткой остановки венгровъ въ Ателькузу — есть теперешняя Бессарабія. Также несомнѣнно, что она не было пуста во время прихода венгровъ, а была занята единоплеменнымъ болгарамъ славянскимъ населеніемъ уличей и тиверцевъ, которые въ это время еще не были покорены кievской династіей, какъ свидѣтельствуется наша лѣтопись. Изъ записки топарха можно видѣть, что до прихода венгровъ они были полунезависимы отъ болгаръ. Местъ Симеона, во время ухода венгровъ, конечно, могла обратиться только на это подчиненное населеніе, которое, понятно, не было виновато въ помощи, поданной венграми византійскому правительству противъ Симеона, и, естественно, сваливало вину на *ἡγεμόνες*. И такъ, вотъ кто были эти господа, и вотъ почему они такъ скоро и безслѣдно исчезли въ запискѣ топарха. Самый фактъ опустошенія областей уличей и тиверцевъ не могъ пройти безслѣдно, и дѣйствительно, Константинъ упоминаетъ о покинутыхъ городахъ на Днѣстрѣ; можетъ быть и наша лѣтопись говоритъ о тѣхъ же остаткахъ разрушенныхъ городовъ уличей и тиверцевъ («суть грады ихъ и до сего дни»). И другія *частности* разсказа топарха становятся понятными при этомъ объясненіи. Симеонъ, какъ сказано, сперва опустошилъ Ателькузу, потомъ напалъ на Византію. Первое произошло лѣтомъ 892 года. Съ Византіей Симеонъ въ то же время велъ переговоры о мирѣ. Такимъ образомъ, былъ моментъ, когда греческій военачальникъ, въ положеніи топарха Маврокастропа, не зналъ, въ войнѣ или въ мирѣ его правительство съ «варварами», опустошавшими сосѣднюю область. Только произведя это опустошеніе, Симеонъ открыто разорвалъ съ Византіей. Противъ топарха, конечно, дѣйствовалъ какой-нибудь ничтожный отрядъ, потому что главный театръ войны былъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ 893 году уже заключенъ миръ, по которому Византія оказалась въ данническихъ от-

ношеніяхъ къ Болгаріи; естественно, что въ этомъ положеніи сосѣди топарха не только не захотѣли подчиниться Византіи, но и принудили топарха искать подтвержденія своей власти у Симеона. Естественно также, что въ этомъ затруднительномъ положеніи, получивъ инвеституру болгарскаго правительства на свое византійское владѣніе, онъ пересталъ даже различать, въ чьей землѣ онъ находится, въ ихъ (болгарской) или нашей (византійской). Самая поѣздка къ «царствующему на сѣверѣ отъ Дуная» описывается такимъ образомъ, что, по замѣчанію В. Г. Васильевскаго, «по ходу и тону разсказа нельзя предполагать труднаго и длиннаго пути». Что касается времени написанія отрывковъ топарха, то, по мнѣнію г. Милюкова, 893-й годъ составляетъ *terminus a quo* для опредѣленія ихъ написанія, а *terminus ad quem* слѣдуетъ признать 913-й годъ, когда началась новая болѣе серьезная война Симеона съ Византіей, о чемъ въ запискѣ топарха нѣтъ никакихъ упоминаній. Къ статьѣ г. Милюкова приложены и самыя записки греческаго топарха въ текстахъ греческомъ (по изданію Газе) и русскомъ (въ переводѣ В. Г. Васильевскаго).

И. К., *Святой Давидъ III Возобновитель, царь Грузіи (1084—1125).* [Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата, 1898, № 5, стр. 16—22, отдѣлъ неофициальный].—Разсказывается о подвигахъ и заслугахъ Давида Возобновителя въ его борьбѣ съ турками-сельджуками и о внутреннемъ благосостояніи Грузіи въ теченіе его царствованія.

П. Цвѣтковъ. 1) *Пѣснь св. Романа Сладкопѣвца о Страшномъ Судѣ (на Евангелія Великаго Понедѣльника и Великаго Вторника — Матѣ. 24 и 25 гл.).* [Радость христіанина при чтеніи Библии, какъ Слова жизни, 1898, кн. III, стр. 244—255]. Въ краткомъ предисловіи излагается содержаніе указанной пѣсни св. Романа Сладкопѣвца и дается ея характеристика; затѣмъ слѣдуетъ русскій переводъ пѣсни, сдѣланный съ изданія Питры (*Analecta sacra*, t. I). 2) *Древняя составительница церковныхъ пѣсней, инокиня Кассія, — съ переводомъ ея пѣсни «Кающаяся грѣшница»* (тамъ же, кн. IV, стр. 345—348). Сообщаются немногія историческія свѣдѣнія объ инокинѣ Кассіи (IX в.), на основаніи «Исторіи византійской литературы» профессора Карла Крумбахера и его статьи «Kasia» (München. 1897), перечисляются ея сохранившіяся произведенія и кратко характеризуются; одно изъ произведеній Кассіи, подъ заглавіемъ «Кающаяся грѣшница» (Лук. 7, 37—50), предложено въ русскомъ переводѣ по тексту Криста въ *Anthologia graeca carminum christianorum* (Lipsiae. 1871. pag. 104). 3) *Пѣснь въ прославленіе святыхъ отцевъ Никейскаго собора, приписываемая св. Роману Сладкопѣвцу* (тамъ же, кн. V, стр. 442—450). Греческій текстъ этой пѣсни изданъ кардиналомъ Питрою (*Analecta sacra*, t. I, p. 493 sq.), который отнесъ ее къ разряду *ἀνεπίγραφα*. Но весьма вѣроятно, что пѣснь эта принадлежитъ св. Роману Сладкопѣвцу, съ произведеніями коего она сходна по нѣкоторымъ характернымъ признакамъ. Въ краткомъ предисловіи г. Цвѣтковъ указываетъ эти признаки и излагаетъ содержаніе пѣсни, а затѣмъ предлагаетъ русскій переводъ ея.

Архимандритъ Палладій, *Новооткрытыя изреченія преподобнаго Антонія Великаго. По коптскому сборнику сказаній о преподобномъ.* (Второй выпускъ патрологическаго отдѣла журнала «Православный Собесѣдникъ» за 1898 годъ, мартъ). Казань. 1898. Стр. 34.—Родина христіанскаго монашества — Египетъ, откуда оно перешло и въ другія страны. Источниками свѣдѣній о египетскомъ монашествѣ до послѣдняго времени служили преимущественно греческія и латинскія творенія различныхъ писателей, хотя въ европейскихъ библіотекахъ и въ монастыряхъ египетскихъ существуетъ не мало туземныхъ—коптскихъ документовъ по исторіи этого монашества. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія много этихъ документовъ напечатано и переведено на французскій языкъ членомъ Французской археологической миссіи въ Каирѣ Е. Amélineau. Въ одномъ изъ четырехъ томовъ, изданныхъ Амелино, помѣщены такъ называемыя изреченія старцевъ объ Антоніѣ Великомъ (именно въ трудѣ: *Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne. Histoire des monastères de la Basse-Égypte.* Paris. 1894. *Annales du Musée Guimet*, t. XV). Эти изреченія взяты изъ Cod. Vat. Copt., 64, fol. 39 verso — fol. 57. Часть ихъ (19) была извѣстна и раньше въ *Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων ὑερόντων* въ изданіяхъ Cotelerii (*Ecclesiae graecae monumenta*, t. I. Paris. 1677) и Migne (*Patrologia graeca*, t. LXV и LXXIII), а въ русскомъ переводѣ въ сочиненіи архіепископа Евсевія «Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ» и въ «Древнемъ патерикѣ, изложенномъ по главамъ» (Москва, 1892). Большая же половина изреченій (35) совершенно неизвѣстна. Въ виду безспорнаго научнаго значенія коптскихъ изреченій преподобнаго Антонія для исторіи египетскаго монашества, архимандритъ Палладій перевелъ ихъ съ подлинника на русскій языкъ и помѣстилъ въ указанной брошюрѣ, отмѣтивъ въ примѣчаніяхъ существенное сходство и различіе коптскаго текста съ греческимъ, латинскимъ и русскимъ переводомъ нѣкоторыхъ изъ этихъ изреченій.

В. Перетцъ, *Изъ исторіи пословицы. Историко-литературныя замѣтки и матеріалы* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898, май, стр. 104—117). Статья написана по поводу ученыхъ работъ послѣдняго времени, посвященныхъ разсмотрѣнію пословицъ, именно сочиненій — проф. Сумцова, проф. Владимірова, гг. Тимошенка, Ляцкого и Довнара-Запольскаго. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о каждой изъ этихъ книгъ и въ частности о книгѣ Тимошенка («Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897»), касающейся и византійскихъ пословицъ, г. Перетцъ предлагаетъ и нѣкоторый новый матеріалъ изъ исторіи пословицъ, заимствованный изъ старыхъ рукописныхъ «апоетегматъ» и «фацецій». Въ заключеніи высказываются слѣдующіе выводы. Изученіе пословицъ должно быть историческимъ. Результатомъ такого изученія явится возможность: 1) выдѣлить изъ массы подлежащаго анализу матеріала—не народныя, а литературныя пословицы, и 2) возсоздать, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ,

исторію эволюціи пословицы, чего нельзя сдѣлать на основаніи чисто апріорныхъ соображеній. Методъ такого изученія требуетъ обстоятельнаго ознакомленія не только съ древней классической и византійской пословичной литературой, а съ цѣлымъ рядомъ тѣхъ послѣдовательныхъ литературныхъ ступеней, по которымъ подвигалась и передавалась къ намъ пословица, главнѣйше — литературы пословицъ польскихъ, сохранившихся какъ въ живомъ говорѣ, такъ и въ памятникахъ старой письменности. Эти послѣдніе помогутъ установить пути традиціи пословицъ и породившихъ ихъ — разсказовъ. На ряду съ этимъ имѣютъ значеніе работы по изслѣдованію формальной стороны пословицъ; но всестороннее изученіе и теорія пословицъ возможна при изслѣдованіи ея историческихъ основъ и отношеній, связывающихъ ее съ ея источниками.

И. С., *Иже во святыхъ отца нашего Григорія Паламы, архієпископа вессалоникійскаго, бесѣда на Вознесеніе Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Церковныя Вѣдомости, 1898, № 18—19, прибавленія, стр. 675—680).—Настоящая бесѣда впервые предложена здѣсь въ русскомъ переводѣ съ греческаго текста, помѣщеннаго въ изданіи: Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης τοῦ Παλαμᾶ Ὁμιλίαι τεσσαράκοντα καὶ μία... Ἐν Ἱερουσολύμοις. 1857.

М. Ремезовъ, *Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. По Г. Шюмберже*. Москва. 1898. Стр. 151.—Настоящая брошюра не имѣетъ самостоятельнаго значенія, но представляетъ передѣлку нѣкоторыхъ главъ изъ извѣстныхъ книгъ французскаго ученаго Густава Шюмберже: «Un empereur byzantine au dixième siècle, Nicéphore Phocas» и «L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle». Брошюра раньше печаталась въ журналѣ «Русская Мысль» (1898, январь и февраль) и имѣетъ популярное назначеніе. Въ ней разсказывается о царствованіи Романа II и Никифора Фоки.

Г. Муркозь, *О кремлевскихъ соборахъ и колокольняхъ и объ отливкѣ колокола въ 12000 пудовъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Изъ путешествія антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію, по арабской рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ* (Русское Обозрѣніе, 1898, мартъ, стр. 339—363).—Изъ указаннаго путешествія здѣсь предложенъ русскій переводъ описанія Успенскаго и другихъ кремлевскихъ соборовъ, а также сообщаются новыя данныя къ исторіи предшественника царя-колокола, находящіяся въ томъ же произведеніи; переводъ предваряется краткимъ предисловіемъ историческаго содержанія.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Ἱερουσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη, ἐκδοθεῖσα μὲν ἀναλώμασι τοῦ Αὐτοκράτορος Ὁρθόδοξου Παλαιστίνου Συλλόγου, συνταχθεῖσα δὲ ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. Τόμος γ'. Ἐν Πέτρουπόλει. 1897. Рецензія г. **Д. Шестакова** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898, апрѣль, стр. 424—438.

Schürer, Die Juden im Bosporianischen Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον daselbst. Berlin. 1897. Рецензія г. Ю. К. тамъ же, стр. 494—495.

А. Павловъ, заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета. Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. Его исторія и тексты, греческій и славянскій, съ объяснительными и критическими примѣчаніями. Новое, отъ начала до конца переработанное, изданіе. Москва. 1897. Рецензія: г. Н. Заозерскаго въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1898, мартъ, стр. 444—456, г. И. Громогласова въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1898, № 16, прибавленія, стр. 626—632.

Н. П. Кондаковъ, Исторія и памятники византійской эмали. Изданіе А. В. Звенигородскаго. 1894. Рецензія г. В. Стасова въ Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества, томъ IX, вып. 1 и 2 (новая серія), С.-Петербургъ, 1897, стр. XLIII—XLVII (протоколы).

А. Алмазовъ, Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви. Исслѣдованіе преимущественно по рукописямъ. Томъ I. Общій уставъ совершенія исповѣди. Томъ II. Спеціальныя уставы, отдѣльныя молитвословія и церковно-гражданскія постановленія, относящіяся къ исповѣди. Томъ III. Приложенія. Одесса. 1894. Рецензія профессора И. С. Бердникова въ Ученыхъ Запискахъ Имп. Казанскаго Университета, 1897, февраль, стр. 1—21.

Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ Ἀγίου Ὁρους ἐλληνικῶν κωδίκων ὑπὸ Σπυρίδωνος Π. Λάμπρου, καθηγητοῦ τῆς ἱστορίας ἐν τῇ Ἀθήνῃσι πανεπιστημίῳ. Τόμος πρῶτος. Ἐν Κανταβρυγίᾳ τῆς Ἀγγλίας. 1895. Рецензія г. Д. Шестакова тамъ же, декабрь, стр. 1—18.

Востокъ христіанскій. Путешествіе въ Метеорскіе и Осолимпійскіе монастыри въ Θεσσαλίи архимандрита Порфирія Успенскаго въ 1859 году. Изданіе Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей П. А. Сырку. С.-Петербургъ, 1896. Рецензія И. Соколова въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898, мартъ, стр. 177—216.

Памятки українсько-руської мови і літератури видає комісія археографічна наукового товариства імені Шевченка, том I. Апокріфи и легенды з українськихъ рукописів зібравъ, упорядкував і пояснив Д-ръ Ів. Франко. Томъ I, апокріфи старозавітні, у Львові, 1896. Рецензія г. В. Истрина въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., 1898, январь, стр. 112—133 въ статьѣ: «Новый сборникъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ».

Die Byzantinischen Zellenschmelze der Sammlung Dr. Alex. von Swnigorodskoi und das darüber veröffentlichte Prachtwerk. Archäologisch-kunstgeschichtliche Studie von Dr. Franz Bock. Als Manuskript gedruckt. Aachen. 1896. Библиографическая замѣтка тамъ же, стр. 165—166.

В. Грибовскій, Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. Спб. 1897. Рецензія г. И. Андреева въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1898, февраль, стр. 310—334,

апрѣль, стр. 91—124, въ статьѣ: «Основные элементы государственнаго строя Византіи въ пониманіи русскаго ученаго».

Греческій рукописный Евангелистарій изъ собранія профессора И. Е. Троицкаго (нынѣ библіотеки С.-Петербургской духовной академіи № Б1/7). Изслѣдованіе Николая Глубоковскаго. Спб. 1898. Рецензія проф. Г. Воскресенскаго въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1898, февраль, стр. 301—309.

И. Тимошенко, Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897. Рецензія г. С. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1898, апрѣль, стр. 303—305.

И. Корсунскій, профессоръ Московской духовной академіи. Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности. Сергіевъ посадъ. 1898. Рецензія г. В. Рыбинскаго въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1898, мартъ, стр. 445—447, въ статьѣ: «Замѣтки о литературѣ по священному писанію Ветхаго Завѣта за 1897 годъ».

Часословъ эѳіопской церкви. Издалъ и перевелъ на основаніи нѣсколькихъ рукописей Б. Тураевъ. С.-Петербургъ. 1897. (Записки Императорской Академіи Наукъ, VIII серія: по Историко-филологическому отдѣленію томъ I, № 7). Рецензія г. В. Болотова въ Христіанскомъ Чтеніи, 1898, февраль, стр. 189—198.

Actus Epistolaeque palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti edidit prof. Aemilianus Kaluzniacki. Vindobonae. 1896. Рецензія г. Г. тамъ же, стр. 294—296.

Священникъ Василій Преображенскій, Преподобный Феодоръ Студитъ и его время (759—826 гг.). Москва. 1896. Рецензія г. А. Доброклонскаго въ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1897, № 20, стр. 268—271.

K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur von Iustinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453). Zweite Auflage. München. 1897. Рецензія К. Басова, тамъ же, № 12, стр. 163—165.

Епископъ Арсеній, Два неизданные произведенія Николая, епископа Мееонскаго, писателя XII вѣка. Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ. 1897. Рецензія г. И. Византійскаго въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1898, № 8, прибавленія, стр. 337—338.

Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса (по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Выпускъ второй (отъ Днѣстра до Москвы). Москва. 1897. Рецензія: г. А. К. въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткамъ, 1898, № 1, стр. 35—36, г. С. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1898, апрѣль, стр. 308—309.

Византійскій Временникъ, издаваемый при Имп. Академіи Наукъ, подъ редакціей В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля, томъ IV, вып. 3 и 4.

Библиографическая замѣтка въ Археологическихъ извѣстіяхъ и Замѣткахъ, 1898, № 1, стр. 38.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. II. Одесса. 1897. Рецензія: г. А. Н. въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ, 1898, № 1, стр. 36—38, и г. С. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1898, май, стр. 645—647.

Борисъ Панченко, О Тайной Исторіи Прокопія. Спб. 1897. Рецензія г. С. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1898, мартъ, стр. 1094—1097.

Эрнестъ Лависсъ и Альфредъ Рамбо, Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашего времени. Томъ II. Феодальная Европа. Крестовые походы 1095—1270. Переводъ М. Гершензона. Москва. 1897. Рецензія г. А. Н. тамъ же, стр. 1087—1089.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

«Byzantinische Zeitschrift», herausgegeben von K. Krumbacher, Band VII, Heft 2.

Въ отдѣлѣ I-омъ (стр. 265—407) помѣщены слѣдующія изслѣдованія:

P. Batiffol, *Sozomène et Sabinos* (стр. 265—284). См. ниже «Франція», стр. 570.

J. Bidez, *Une copie de la chronique de Georges le Moine conservée à la bibliothèque de Patmos* (стр. 285—298). См. ниже «Франція», стр. 570.

P. N. Papageorgiu, *Zu Photios* (стр. 299—308). — Рядъ замѣтокъ по эмендаціи текста 45 новыхъ писемъ Фотія, изданныхъ А. Пападопуло-Керамевсомъ (Святѣйшаго патріарха Фотія XLV неизданныхъ писемъ, по аѳонскимъ рукописямъ издалъ А. П.-К., Спб. 1896). См. также статью А. Heisenberg'a въ Berliner philologische Wochenschrift 1897, №№ 33/34.

Spyr. B. Lampros, *Tavia, eine verkannte mittelgriechische Stadt* (стр. 309—315). — Опредѣляется правильное начертаніе названія и мѣстоположеніе пелопоннесскаго города Тавія, упомянутаго въ Chronicon breve (ed. Bonn. послѣ Дуки стр. 315 и слѣд.). Изъ письма Мануила Рауля Метохиты къ художнику Гастрею видно, что городъ былъ богатъ произведеніями христіанской живописи (см. ркп. Монас. gr. 145, f. 150^v и 199, f. 317^v, оба XVI в.); а изъ Лаоника Халкокондила (ed. Bonn. стр. 238—239), что онъ былъ укрѣпленъ. Теперь это деревня Давія (Δαβιά, въ народномъ говорѣ Νταβιά) въ димѣ Фаланеѣ въ Аркадіи; ученикъ автора статьи А. Арванитопуло посѣтилъ деревню и описалъ ее въ письмѣ къ автору; описаніе вполне отвѣчаетъ даннымъ Chron. breve и др. По Chron. br. Тураханъ взялъ по пути изъ Мистры Леонтаріонъ, потомъ Гардиконъ и наконецъ Тавію; къ сѣверу отъ Леондари по дорогѣ изъ Спарты въ Давію и теперь лежитъ мѣстечко Гардики; авторъ приводитъ имѣющіяся о послѣднемъ историческія данныя.